

ДЕМОН СОЛЖЕНИЦЫНА

«Пять звезд»

(Окончание. Начало на стр. 9)

Собственно, политика Твардовского в тот момент была та же, что и с «Иваном Денисовичем» — заполучить текст для своего журнала и потому остроожно, используя свои связи и благоприятные обстоятельства, бороться за то, чтобы он был напечатан. Но для этих изательских хлопот нужно было, чтобы автор «сделал тихо» и ждал, не давал текст в самиздат, откуда он легко мог перенести к зарубежным издателям. А Солженицын, читая приведенные нигде не опубликованные, не понимал (или не хотел понимать), что если бы Твардовский даже своей волей поставил его роман в номер, этот номер не был бы доставлен читателю (как потом и получилось в декабре 68-го). И естественно, редактор, узнав в августе 66-го о том, что текст, который он разошел или поздно находит опубликованный, широко ходит по стране, зовет к себе автора, дает обещания. А в ответ получает письмо «Я не могу допустить, чтобы „Раковый корпус“ повторил печальный путь романа». Твардовский блажен был буквально до слез. Ведь он знает, что путь «Круга» особенно печален лишь после того, как Солженицын забрал текст из «НМ» и фактически своими руками отдал его КГБ.

А если и не знает точно, то чувствует какой-то подвох, догадывается, что АИ в момент сдачи «Круга» был не в себе, «одержим». Ведь такие вещи или когда-то все-таки понимаются: «О, я кажется уже начинать любить это свое новое положение, после прошлого моего архива! <...> Теперь-то мне открылся высший и тайный смысл коры, которому я не находил оправдания, тогда швырка от Верховного Рузвена, которого нельзя предвидеть нам, маленьким: для того было мне послана моя убийственная беда, чтобы отнять у меня возможность тянуться и молчать, чтобы отговариваться и начать говорить и действовать.

Ибо — подошли сроки...

«Сроки» действительно подошли — на пороге 67-й. Но вот «Верховный Рузвен» — это слишком наивно. Не стоит называть демона, которым ты одержим и который толкает тебя на необдуманные поступки. «Верховным Разумом». Это недоразумение. И коренится оно в том, что наш писатель слишком предавал самоограничению не только в быту, но и в области, так сказать, ментальной. Собирая волю и силы в кулак для творческого призыва на ограниченном участке, он суживал свой кругозор. Читал только то, что, как ему казалось, может понадобиться для работы. И потому не получил представления о некоторых областях знания. В частности — о психологии. Вот если бы он интересовался этой наукой, он, наверное, бы понимал, что им руководит.

Кстати, здесь уместно объяснять, что Нахрап — это вовсе не демон в первоначальном смысле этого слова, а просто психиатрическая структура, если угодно, автономный комплекс. Он «выпал» из малышина, но ведь не из каждого мальчика в тех очерках он выпадал. Чтобы «выпрыгнуть», он должен был уже сформироваться в душе ребенка.

Вообще-то такие вещи передаются по наследству, — формируются путем воспитания в самом раннем возрасте. О детстве Солженицына известно крайне мало. Отец (читатель-гостевик) погиб при странных обстоятельствах еще до рождения сына. Так что он мог влиять на формирование малышина только как нечто идеальное и ассоциирующееся с представлениями о старой России (в «Круге» сказано: Неркин родился, «когда только что убили и вынесли в Мирное Ничто че-то большое дорогое тело»). Тот есть отец — лишь некий прекрасный символ. Непосредственным импульсом семейной традиции в отсутствии отца могли быть или матери и ее родственники.

По материнской линии АИ происходит из семи богатых ставропольских землевладельцев Шербаков, которых в «Красном колесе» выведены под фамилией Томачки. Семья была та еще. Первое слово, которое выпадает при ее описание из сини Ирины (в реальности — тетка Солженицыны) — «сборка». Эта тетка пребывает в постоянно конфликте со своим мужем Романом (братом матери писателя Тансии), муж с отцом Захаром (о это состоянии она была членом лада). Пример: «Отец тяжелым ореховым посохом с размахом ударили сына, а сын, в той же перворыбной ярости, вывалился из английского кармана револьвера». Кстати, именно к делу Захара (Томачки, конечно) применяет писатель словечко «нахраписто».

Таковы задачи семейства, в котором родился Саша. Можно представить себе, как там, лишившись родителей, подросли Томачки. Семья была та еще. Первое слово, которое выпадает при ее описание из сини Ирины (в реальности — тетка Солженицыны) — «сборка». Эта тетка пребывает в постоянно конфликте со своим мужем Романом (братом матери писателя Тансии), муж с отцом Захаром (о это состоянии она была членом лада). Пример: «Отец тяжелым ореховым посохом с размахом ударили сына, а сын, в той же перворыбной яности, вывалился из английского кармана револьвера». Кстати, именно к делу Захара (Томачки, конечно) применяет писатель словечко «нахраписто».

Таковы задачи семейства, в котором родился Саша. Можно представить себе, как там, лишившись родителей, подросли Томачки. Семья была та еще. Первое слово, которое выпадает при ее описание из сини Ирины (в реальности — тетка Солженицыны) — «сборка». Эта тетка пребывает в постоянно конфликте со своим мужем Романом (братом матери писателя Тансии), муж с отцом Захаром (о это состоянии она была членом лада). Пример: «Отец тяжелым ореховым посохом с размахом ударили сына, а сын, в той же перворыбной яности, вывалился из английского кармана револьвера». Кстати, именно к делу Захара (Томачки, конечно) применяет писатель словечко «нахраписто».

формирующим в ранний период жизни ребенка (как раз до шести лет) программы его будущего поведения. Похоже, они (отношения) были алгескими, но ведь это был дом родной — тот самый гумус, в котором человек формируется.

Так что в Нахрапе нет ничего сверхестественного. Это просто структура в душе, образовавшаяся под влиянием атмосферы в семье, несущей традицию конфликтности. Да еще и — особо излюбленной. Эта структура национальна человека то, чтобы вырваться из этого ада любыми средствами (таким средством для АИ в конце концов оказалось писательство), а с другой стороны — держала его, заставляла все время искать спасения в родном логе (в среде, склонной к этому, с этим логом на тяжести жизни). Ибо — это и есть соприродная Нахрапа среда. Отсюда все страшности поведения Солженицына, которые мы уже видели. Но помимо этого специфически семейного было еще социальное, внесшее свой вклад в формирование Нахрапа. То, что в «Круге» названо «ром» и «парфюм» (в чехословакском смысле), но никогда не была готова к тому, чтобы в полной мере разделить все демонические заскоки мужа. Например, когда он прибыл в простирации после изъятия «Круга» и части архива, она пыталась вернуть ему трезвый взгляд на вещи: «Что ты так переживаешь из-за „Пира победителей“? — возмутилась она. — Разве эту письма написал член СП Солженицын? Ее писал зек Солженицын, ходивший с четырьмя номерами. Не писал Солженицын, а Щ-262». Нет, нельзя разговаривать с оскриками. Соприезжающая женщина не должна быть противопоставлена Солженицыну, а и вообще — он ничего не имел против того, чтобы жаловался. Он «не прощает мне, что умер 64-го (наша первая личная драма) оказывалась для меня также удача 65-го (изъятие архива)».

Первая его жена, Наталия Решетовская, хоть по своей природе и «душечка» (в чехословакском смысле), но никогда не была готова к тому, чтобы в полной мере разделить все демонические заскоки мужа. Например, когда он прибыл в простирации после изъятия «Круга» и части архива, она пыталась вернуть ему трезвый взгляд на вещи: «Что ты так переживаешь из-за „Пира победителей“? — возмутилась она. — Разве эту письма написал член СП Солженицын? Ее писал зек Солженицын, ходивший с четырьмя номерами. Не писал Солженицын, а Щ-262». Нет, нельзя разговаривать с оскриками. Соприезжающая женщина не должна быть противопоставлена Солженицыну, а и вообще — он ничего не имел против того, чтобы жаловался. Он «не прощает мне, что умер 64-го (наша первая личная драма) оказывалась для меня также удача 65-го (изъятие архива)».

Да, она все забыла ради него и детей (правда, чужих), и научила карьеру, и музыку... Она как прожила перепись текстов, систематизировала его бумаги, собирала материалы для его произведения. А не Щ-262 и тем более не для Нахрапа, который из него время от времени болезненно вырывался. Правда, Нахрап в своем умеона разумеет, смутно чувствующийся с давних времен, но не всегда понимающий его ласкать, но — под воздействием своего внутреннего демона он постепенно вынужден совершать поступки, которые власть раздражают. Казалось бы: хочешь ты быть советским писателем — играй по их дурацким правилам! Можно сказать: «Потомок пропастной семянки разлада». Но это не помогло.

Разница очевидна. Одно дело, если человек (как Синявский) все понял и сознательно избрал для себя наиболее рациональное, а с точки зрения, позиции то, что можно здесь напечатать — печатал здесь, то, что не было — печатал там. В таком случае он понимает, за что писалась эта книга, именем. И совсем другое, когда человек не отдает себе отчета в том, что он делает, когда делает не он, а кто-то другой в нем. Тут трагедия: человек, обладающий глупостью властью, хочет что власть (хотя бы и поменявшуюся) должна быть спасительной. Но это не помогло.

Я отнюдь не пытаюсь читать мораль Солженицыну, я всего лишь волю излагать содержание его программной статьи «Жить не по лжи». Правда, статья эта появилась лишь в 1974 году, уже после всех бодяж и теленка (Нахрапа) с дубом, и вобрала в себя весь бодяжский опыт. Но, право же: по-

впоследствии, объясняя события осени 70-го года, он пишет: «Шесть последних лет я носил глубокий пропастный семейный разлад и все откладывал какое-нибудь его решение — всякий раз в нехватке времени для окончания работы или части работы, всякий раз уступая, смущая, ублаготворяя, чтобы выиграть еще три месяца, две недели спокойной работы и не отрываться от главного дела. Но закону сущности кризиса отложенного поплыло как раз на преднобельевские месяцы».

Это, во-первых, проблема «партийного руководства литературы», каковая проблема сама по себе совершенно ясна: жесткость советской системы, бездарные чиновники, неповоротливые механизмы, метод соцреализма как руководства для пишущих... Это действительно мешало литературному процессу вообще и в том числе с самого начала затруднило публикацию текстов Солженицына. Но есть другая проблема. Она сходится к тому, что Солженицын из-за изъятия «Круга» и части архива, а также изъятия из-за него этого положенного союзного вида блага. Но помимо этого специфически семейного было еще социальное, внесшее свой вклад в формирование Нахрапа. То, что в «Круге» названо «ромом» и «парфюмом» (в чехословакском смысле), но никогда не была готова к тому, чтобы в полной мере разделить все демонические заскоки мужа. Например, когда он прибыл в простирации после изъятия «Круга» и части архива, она пыталась вернуть ему трезвый взгляд на вещи: «Что ты так переживаешь из-за „Пира победителей“? — возмутилась она. — Разве эту письма написал член СП Солженицын? Ее писал зек Солженицын, ходивший с четырьмя номерами. Не писал Солженицын, а Щ-262». Нет, нельзя разговаривать с оскриками. Соприезжающая женщина не должна быть противопоставлена Солженицыну, а и вообще — он ничего не имел против того, чтобы жаловался. Он «не прощает мне, что умер 64-го (наша первая личная драма) оказывалась для меня также удача 65-го (изъятие архива)».

Первая его жена, Наталия Решетовская, хоть по своей природе и «душечка» (в чехословакском смысле), но никогда не была готова к тому, чтобы в полной мере разделить все демонические заскоки мужа. Например, когда он прибыл в простирации после изъятия «Круга» и части архива, она пыталась вернуть ему трезвый взгляд на вещи: «Что ты так переживаешь из-за „Пира победителей“? — возмутилась она. — Разве эту письма написал член СП Солженицын? Ее писал зек Солженицын, ходивший с четырьмя номерами. Не писал Солженицын, а Щ-262». Нет, нельзя разговаривать с оскриками. Соприезжающая женщина не должна быть противопоставлена Солженицыну, а и вообще — он ничего не имел против того, чтобы жаловался. Он «не прощает мне, что умер 64-го (наша первая личная драма) оказывалась для меня также удача 65-го (изъятие архива)».

Да, она все забыла ради него и детей (правда, чужих), и научила карьеру, и музыку... Она как прожила перепись текстов, систематизировала его бумаги, собирала материалы для его произведения. А не Щ-262 и тем более не для Нахрапа, который из него время от времени болезненно вырывался. Правда, Нахрап в своем умеона разумеет, смутно чувствующийся с давних времен, но не всегда понимающий его ласкать, но — под воздействием своего внутреннего демона он постепенно вынужден совершать поступки, которые власть раздражают. Казалось бы: хочешь ты быть советским писателем — играй по их дурацким правилам!

Но это не помогло.

Разница очевидна. Одно дело, если человек (как Синявский) все понял и сознательно избрал для себя наиболее рациональное, а с точки зрения, позиции то, что можно здесь напечатать — печатал здесь, то, что не было — печатал там. В таком случае он понимает, за что писалась эта книга, именем. И совсем другое, когда человек не отдает себе отчета в том, что он делает, когда делает не он, а кто-то другой в нем. Тут трагедия: человек, обладающий глупостью властью, хочет что власть (хотя бы и поменявшуюся) должна быть спасительной. Но это не помогло.

Я отнюдь не пытаюсь читать мораль Солженицыну, я всего лишь волю излагать содержание его программной статьи «Жить не по лжи». Правда, статья эта появилась лишь в 1974 году, уже после всех бодяж и теленка (Нахрапа) с дубом, и вобрала в себя весь бодяжский опыт. Но, право же: по-

впоследствии, объясняя события осени 70-го года, он пишет: «Шесть последних лет я носил глубокий пропастный семейный разлад и все откладывал какое-нибудь его решение — всякий раз в нехватке времени для окончания работы или части работы, всякий раз уступая, смущая, ублаготворяя, чтобы выиграть еще три месяца, две недели спокойной работы и не отрываться от главного дела. Но закону сущности кризиса отложенного поплыло как раз на преднобельевские месяцы».

Это, во-первых, проблема «партийного руководства литературы», каковая проблема сама по себе совершенно ясна: жесткость советской системы, бездарные чиновники, неповоротливые механизмы, метод соцреализма как руководства для пишущих... Это действительно мешало литературному процессу вообще и в том числе с самого начала затруднило публикацию текстов Солженицына. Но есть другая проблема. Она сходится к тому, что Солженицын из-за изъятия «Круга» и части архива, а также изъятия из-за него этого положенного союзного вида блага.

Наталия Решетовская, хоть по своей природе и «душечка» (в чехословакском смысле), но никогда не была готова к тому, чтобы в полной мере разделить все демонические заскоки мужа. Например, когда он прибыл в простирации после изъятия «Круга» и части архива, она пыталась вернуть ему трезвый взгляд на вещи: «Что ты так переживаешь из-за „Пира победителей“? — возмутилась она. — Разве эту письма написал член СП Солженицын? Ее писал зек Солженицын, ходивший с четырьмя номерами. Не писал Солженицын, а Щ-262». Нет, нельзя разговаривать с оскриками. Соприезжающая женщина не должна быть противопоставлена Солженицыну, а и вообще — он ничего не имел против того, чтобы жаловался. Он «не прощает мне, что умер 64-го (наша первая личная драма) оказывалась для меня также удача 65-го (изъятие архива)».

Да, она все забыла ради него и детей (правда, чужих), и научила карьеру, и музыку... Она как прожила перепись текстов, систематизировала его бумаги, собирала материалы для его произведения. А не Щ-262 и тем более не для Нахрапа, который из него время от времени болезненно вырывался. Правда, Нахрап в своем умеона разумеет, смутно чувствующийся с давних времен, но не всегда понимающий его ласкать, но — под воздействием своего внутреннего демона он постепенно вынужден совершать поступки, которые власть раздражают. Казалось бы: хочешь ты быть советским писателем — играй по их дурацким правилам!

Но это не помогло.

Разница очевидна. Одно дело, если человек (как Синявский) все понял и сознательно избрал для себя наиболее рациональное, а с точки зрения, позиции то, что можно здесь напечатать — печатал здесь, то, что не было — печатал там. В таком случае он понимает, за что писалась эта книга, именем. И совсем другое, когда человек не отдает себе отчета в том, что он делает, когда делает не он, а кто-то другой в нем. Тут трагедия: человек, обладающий глупостью властью, хочет что власть (хотя бы и поменявшуюся) должна быть спасительной. Но это не помогло.

Я отнюдь не пытаюсь читать мораль Солженицыну, я всего лишь волю излагать содержание его программной статьи «Жить не по лжи». Правда, статья эта появилась лишь в 1974 году, уже после всех бодяж и теленка (Нахрапа) с дубом, и вобрала в себя весь бодяжский опыт. Но, право же: по-

впоследствии, объясняя события осени 70-го года, он пишет: «Шесть последних лет я носил глубокий пропастный семейный разлад и все откладывал какое-нибудь его решение — всякий раз в нехватке времени для окончания работы или части работы, всякий раз уступая, смущая, ублаготворяя, чтобы выиграть еще три месяца, две недели спокойной работы и не отрываться от главного дела. Но закону сущности кризиса отложенного поплыло как раз на преднобельевские месяцы».

Это, во-первых, проблема «партийного руководства литературы», каковая проблема сама по себе совершенно ясна: жесткость советской системы, бездарные чиновники, неповоротливые механизмы, метод соцреализма как руководства для пишущих... Это действительно мешало литературному процессу вообще и в том числе с самого начала затруднило публикацию текстов Солженицына. Но есть другая проблема. Она сходится к тому, что Солженицын из-за изъятия «Круга» и части архива, а также изъятия из-за него этого положенного союзного вида блага.

Наталия Решетовская, хоть по своей природе и «душечка» (в чехословакском смысле), но никогда не была готова к тому, чтобы в полной мере разделить все демонические заскоки мужа. Например, когда он прибыл в простирации после изъятия «Круга» и части архива, она пыталась вернуть ему трезвый взгляд на вещи: «Что ты так переживаешь из-за „Пира победителей“? — возмутилась она. — Разве эту письма написал член СП Солженицын? Ее писал зек Солженицын, ходивший с четырьмя номерами. Не писал Солженицын, а Щ-262». Нет, нельзя разговаривать с оскриками. Соприезжающая женщина не должна быть противопоставлена Солженицыну, а и вообще — он ничего не имел против того, чтобы жаловался. Он «не прощает мне, что умер 64